

№453 Седмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Тупые и ещё тупее

Люди глупы. Очень! В общей массе, имеется в виду. И так было всегда и везде. И сейчас. Ну, вот избрали президентом комика. Хорошего, талантливое, человека замечательного. (Я сам за него голосовал во втором туре). Но управлять страной разве легче, чем играть на виолончели?..

И христиане редко блещут интеллектом.

Ну вот представьте себе Нью-Йорк 1833-го. Слишком напрягаться не надо – как выглядели улицы и здания – не важно. В молитвенных домах и под открытым небом проповедует протестантский пастор Уильям Миллер – обещает через десять лет конец света. И ему верят множество народу. Отменяют свадьбы, расторгают договора, сворачивают предприятия, продают имущество.

К назначенному времени они одеваются в длинные белые сорочки – всё, что у них осталось – и выходят навстречу грядущему Христу.

Встреча с Иисусом, естественно, не состоялась. Пастор Миллер нижайше извинился перед бездомными, у которых теперь уже ни кола, ни двора, и ни цента на ломоть хлеба, и просил не расстраиваться – говорит, кончина мира обязательно будет!

Вы думаете – это доверчивость?! – Нет – это идиотизм! Потому, что подобных предсказаний было уже не десятки, а сотни. И всегда находились дураки, которые в это верили, и всегда для них это заканчивалось плачевно.

Уже первые христиане от сего пострадали. Апостолы заверили народ, что вот-вот – Второе Пришествие Христа – «близ, при дверях» (Мф. 24:32). «День приблизился...» (Рим. 13, 12), «...Ибо ещё немного, очень немного, и Грядущий придёт и не умедлит...» (Рим. 10, 37). «Мы, живущие, не опережим почивших...» (1Фес. 4:15), «...будем восхищены вместе с умершими, в облаках, навстречу Господу...» (1Фес. 4, 17). «...близок всему конец - будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах...» (1Петр. 4, 7). «...имеющие жён, – да будут, как не имеющие; и плачущие да будут, как не плачущие; и радующиеся - как не радующиеся; и покупающие - как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся...» (1Кор. 7, 29–31).

Многие доверились апостолам. И, как гласит Деяния, «...все владевшие землями или домами, продавали их, и приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов...» (Деян. 4, 32–35) И не только имения, но «...и всякую собственность, разделяли между собою по нужде каждого... все верующие были вместе и имели всё общее...» (Деян. 4, 32–35). Коммунизм?! Не совсем. Коммунисты всё же предполагали не только потребление, но и созидание - работу фабрик, заводов,

сферы обслуживания. А церковники тогдашние – всё продать и проесть в компании единомышленников. «Пирамида», на самом деле!

Как такое могло случиться с первохристианами? Неужели их так научил Иисус?! Вряд ли, хотя Ему также приписываются подобные пророчества в Евангелиях, в том числе и ныне прочитываемом в храмах отрывке: «И сказал Иисус Своим ученикам: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе...» (Мк. 1, 9). Есть достаточно и других подобных высказываний. Однако все они производят впечатление испорченного телефона. Один не расслышал, другой переврал, третий от себя что-то добавил. Собственно говоря, только один дошедший до нас ответ Христа на сей вопрос кажется до конца честно изложенным и аутентично переданным: «О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын (человеческий - Иисус Христос), но только Отец наш Небесный...» (Мк. 13, 32).

Многим людям крайне любопытно (в том числе, наверное, и тогдашним апостолам), мол, когда же мир этот накроется?! Нездоровый интерес, плюс какая-то злость за этим проглядывает. Что, не терпится насладиться мировым катаклизмом?!

В конце концов, если ты живёшь в соответствии с Волей Божией, разве тебе не безразлично – когда сторят небо и земля? Собственно, какая для тебя разница – через год наступит космическая катастрофа, через сто лет или через десять миллиардов, если ты можешь до сегодняшнего вечера не дожить. А будешь помирать, - весь «джентльменский набор» обеспечится по полной программе – и небо лично для тебя свернётся, как свиток, и луна превратится в кровь, и звёзды падут с неба, и тому подобное...

Цель образования

На страницах прошлых «Седмиц» мы подчёркивали с вами необходимость переосмысления процессов и воспитания, и образования. Ну, собственно, что такое воспитание, и что такое образование? Воспитание – это целенаправленное воздействие с целью становления личности, а образование – это прикладное средство, позволяющее человеку ориентироваться в производных вот этого главного вопроса жизни. А уметь ориентироваться в производных вопросах бытия в мире – значит уметь ориентироваться в том, что есть мир как таковой, и что есть человек как таковой, как он устроен, и так далее.

Образование - то, которое мы имеем в качестве наследства от Средневековой, Новой и Новейшей истории Европы (потому что, фактически, всё мировое образование так или иначе, за небольшим вычетом, вращается вокруг европейской модели) – оно чаще всего, к сожалению, не имеет прямого отношения к личностному измерению, во-первых. В лучшем случае, оно индифферентно к этому измерению, в худшем – довольно демонстративно игнорирует это измерение.

Мы неоднократно подчеркивали с Вами, что образование должно быть процессом обретения образа, должно быть средством духовного роста, становления, раскрепощением духовных возможностей. Потому что всё, чем бы мы ни занимались в любом учебном заведении, даже в духовном – семинарии там или академии, - если там просто преподавание набора сведений, эти полученные там знания просто даром никому не нужны, более того, они вредны. Если это просто некий багаж знаний, лучше сразу наплевать и забыть. Если каждый раз мы не умеем в любую секунду отследить, чем мы занимаемся, что мы делаем и зачем...

Вот богословское образование точно бессмысленно. Вы знаете, что погубило, на самом деле, образование как таковое? Первый шаг, увы, сделали христиане, когда из образования как системы средств, способствующих становлению личности,

они устроили систему схоластики. А что принципиально отличает схоластику от образования как того, что способствует становлению личности? Схоластика – это нечто прямо противоположное. Знаете, основной и, по существу, единственный принцип схоластики? Ну, слово «схоластика» происходит от чего? От слова «схола» – это значит «школа». А в чём состоит исходный, главный и чуть ли не единственный принцип схоластики? Схоластический подход к знанию предполагает следующее: в этом процессе есть два лица, одно лицо знает всё, другое не знает ничего. Вернее, то лицо, которое изображает из себя всезнающее – оно нужно до тех пор, пока ещё остаются вопросы, на которые обучаемый не выучил правильного ответа. Иначе говоря, схоластическое образование – это обучение правильным ответам на имеющиеся вопросы. Например, на вопрос: «Кто такой Бог?» должен быть правильный ответ. «Что такое ангел?» – «Ангел – это духовное существо, которое...» и так далее. «Каков Бог?» – «Бог – Всемогуший». «А если Бог Всемогуший...» – и так далее. И вот так целая система правильных следствий из утверждений... Не случайно Аристотель взят за основу как верховный авторитет, потому что он разработал правила силлогистики, то есть правила выведения умозаключений из исходных посылок.

Но ведь всё к силлогизмам не сводится. Да, Бог всемогущ. Но на вопрос: «А может ли Бог сотворить другого Бога?», мы получаем логический парадокс, то есть вопрос, на который правильного ответа нет. Потому что Бог всемогущ, а человек не всемогущ. Поэтому мы тут поднимаем руки. Хотя вообще, если выделить вопрос, на который может быть дан единственный правильный ответ, то схоластическая система образования – она, собственно, и предполагает научение этим правильным ответам. Но схоластика стала трещать, как только на первый план стало выходить не отвлечённое, а опытное познание.

Что такое **отвлечённое** познание? Это значит – я задаю вопрос: «Что такое стул вообще?». «Стул – это плоскость, четыре ножки, спинка и так далее», – таков будет ответ. А вот опытное познание предполагает, что я должен знать, какие действия предпринять, чтобы склотить себе стул. Тут мне, в общем, не до того, сколько у него ножек должно быть, что такое сиденье, что такое спинка и так далее. Меня другое интересует: я должен сделать вещь, на которой я буду сидеть. Мне, в общем, наплевать, как это называется, и правильно ли схоластически я могу ответить на все вопросы, связанные с такими вещами, как качество, количество, мера и прочее. Вот что такое корова? Схоластов такой вопрос не интересует. А будущего животновода – очень интересует: вот что с этой коровой делать, чтобы она больше молока давала? Схоласт не знает. Ему неинтересно, потому что нет заведомо правильного ответа. С коровой надо манипулировать: накосить сена, она наестся этого сена, но выяснится, что на одном сене она молока не больше даёт, а меньше, значит, надо ей ещё что-то дать... А если ей дать каких-то добавок, пасти тогда-то, а тогда-то давать отдыхать в стойле, то удои увеличатся... А если вот эту корову скрестить с **таким-то** быком, то их потомство даст **молочную** корову, а с другим – **мясную**... Схоласту наплевать на такие вопросы. Они все **опытные**.

И как только на первый план выходит это опытное знание – а опытное знание привязано к самой что ни на есть практике жизни, банальной практике, – тут уже «до фонаря», чем цветок отличается от нецветка, и что такое цветок вообще, или что существует прежде – универсалия или индивидуальный предмет. Вот есть такой пресловутый платоновский вопрос: «Что первично – стол конкретный или стол как таковой?» А какая разница? Стол вообще – это то, на чём я есть точно никогда не буду. Как говорил Уильям Оккам – «Нечего умножать универсалии сверх надобности». А чем диктуется надобность? Надобность диктуется опытом. Вот тебе нужен стол вообще? Не нужен. А что тебе нужно? Для верстака – один стол, для еды – другой, для того, чтобы в кости поиграть на досуге – третий, чтобы писать на нём – четвёртый, и так далее. А зачем тебе «стол вообще», и зачем тебе вообще такой вопрос – что такое «стол вообще»? Да гори оно синим пламенем! Какая разница, как это вообще называется – «стол»

или «доска с ногами».

А вот из умножающегося опытного познания выросло энциклопедическое знание. «Коровы – это такие существа, которые дают молоко...», и так далее. А поскольку одними коровами животный мир не исчерпывается, то вот вам всё, что есть в мире, можно наблюдать, изучать и описывать.

Да, и что ещё сгубило схоластику? То, что схоластика не задавалась философскими вопросами. Схоластика претендовала на то, что на все вопросы есть правильные на все времена однозначные ответы. Это не философия. Это была гибель философии, на самом деле. И когда потом появилась новая философия, то эта новая философия родилась фактически из отрицания схоластического принципа, из отрицания примата богословия над философией. Чем была для Фомы Аквинского философия? – Служанкой богословия. Собственно, как и для Григория Назианзина. Григорий Богослов или Фома Аквинский приспособили философскую культуру для того, чтобы изъяснять нечто о Боге. А уже для Декарта богословие в том виде, в котором оно существовало – это для ненормальных, а вот для продвинутого, умного, заинтересованного в жизни человека – это философия. И даже для Канта, который был благочестивейшим из смертных, религия существовала уже только в пределах разума. И как вы все знаете из бессмертного произведения, он пять раз доказал, что Бога нет, а в шестой, «как бы в насмешку над самим собой» – что Бог есть. За какие доказательства другой известный персонаж предлагал сослать его на Соловки года на три, и был страшно огорчён, узнав, что это уже невозможно, потому что сто лет с лишком к тому моменту Иммануил Кант пребывал «в местах, куда более отдалённых, чем Соловки».

Потом, правда, выяснилось, что и философия, как таковая, вот таким образом существующая, – тоже долго не протянула. Если ещё в 19-м веке философы были людьми в почёте, то в 20-м веке, если хотите вызвать усмешку у образованного западного человека, скажите, что вы философ.

Это была краткая история того, как образование помахало ручкой богословию, то есть самому смыслу бытия человека, и из этого произошла двойная трагедия. Богословие стало профессиональной деятельностью, что на самом деле ужасно. И на сегодняшний день мы имеем два трагических момента в сфере образования. Во-первых, в секулярном мире образование – это то, что никак не связано со смыслом человеческого бытия. У современного образования, в сущности, нет экзистенциального измерения.

Что же касается образования богословского, то, как мы уже говорили, богословие стало профессиональной деятельностью. Дело доходит до того, что человек может открыто заявить, что он вообще-то в Бога не очень верит, но он при этом богослов, он профессионал, он книжки читает, и даже пишет эти книги.

О. Иоанн. «Зачем далеко ходить? При нашем храме есть группы людей, изучающих Библию. И вот когда я был, так сказать, в гостях на занятиях одной из таких библейских групп, я обратил внимание на то, что люди с удовольствием читают текст Священного Писания, прекрасно владеют справочным материалом, очень интересно проводят время с очевидной пользой для ума, узнают много интересного из священной истории. Но я заметил и то, что на этих занятиях не возникал самый главный вопрос – а **зачем** я читаю Библию? Может, просто для того, чтобы легче решать кроссворды, или быть во всеоружии на телеигре «Что, где, когда?»? Но важно ведь совсем другое. Например, что нам хочет сказать Бог со страниц Библии, или что Он от нас ожидает, **как** мы должны поступать в той или иной ситуации и так далее».

Вот этим лейтмотивом давайте и закончим нашу вводную часть размышлений относительно воспитания детей. Главная мысль, в принципе, очень банальна: прежде, чем как-то поступать с ребёнком, или накачивать его той или иной информацией, нужно задаться вопросом: а **зачем**?

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*